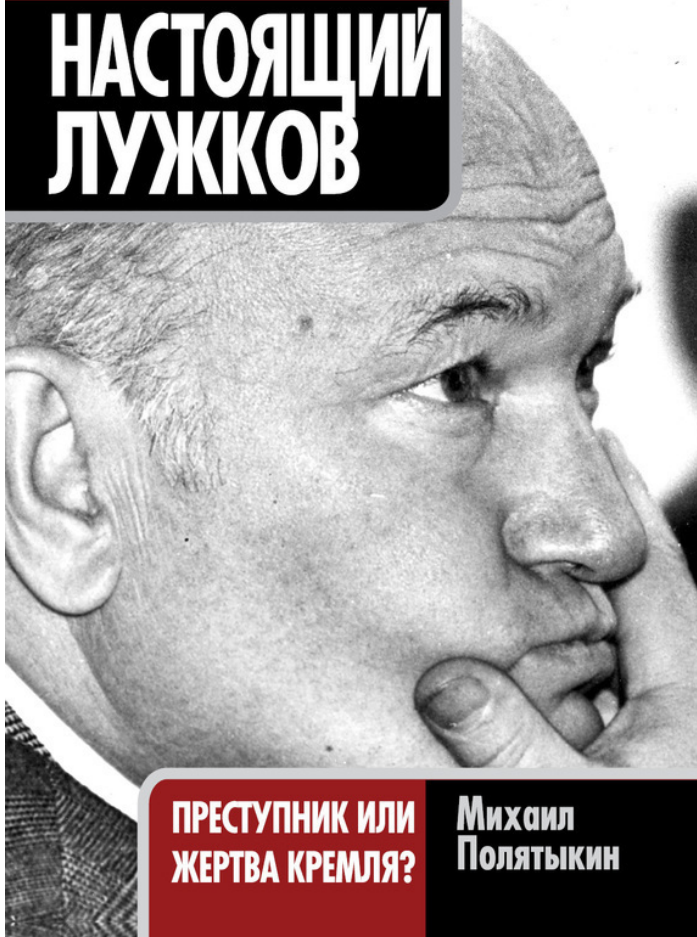

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**НАСТОЯЩИЙ
ЛУЖКОВ**

**ПРЕСТУПНИК ИЛИ
ЖЕРТВА КРЕМЛЯ?**

**Михаил
Полятыкин**

Михаил Александрович Полятыкин
Настоящий Лужков.
Преступник или
жертва Кремля?
Серия «Лучшие биографии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373413

Михаил Полятыкин. Настоящий Лужков: Алгоритм; Москва; 2011

ISBN 978-5-6994-6813-3

Аннотация

Михаил Александрович Полятыкин бок о бок работал с Юрием Лужковым в течение 15 лет, будучи главным редактором газеты Московского правительства «Тверская, 13». Он хорошо знает как сильные, так и слабые стороны этого политика и государственного деятеля. После отставки Лужкова тон средств массовой информации и политологов, еще год назад славословящих бывшего московского мэра, резко сменился на противоположный. Но какова же настоящая правда о Лужкове? Какие интересы преобладали в его действиях – корыстные, корпоративные, семейные или же все-таки государственные? Что он действительно сделал для Москвы и чего не сделал? Что привнес Лужков с собой в российскую политику? Каков он был личной жизни? На эти и многие другие вопросы «без гнева

и пристрастия», но с неизменным юмором отвечает в своей книге Михаил Полятыкин. Автор много лет собирал анекдоты о Лужкове и помещает их в приложении к книге («И тут Юрий Михайлович ахнул, или 101 анекдот про Лужкова»).

Содержание

Внешность	5
Характер	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Полятыкин Настоящий Лужков. Преступник или жертва Кремля?

*Господи! Спаси меня от соблазна казаться
лучше, чем я есть на самом деле.
Из ежедневной молитвы автора*

Внешность

Я никогда не считал себя Аленом Делоном в смысле внешних физических данных и сейчас не считаю, а потому никогда активно не волочился, как говаривали когда-то, за женищинами.

М. Полятыкин. «Тореро в кресле мэра, или Юрий Лужков: хронология успеха», М., 1996

Характерная, а теперь и вообще легендарная деталь внешности – кожаная кепка-восьмиклинка, выставленная как-то даже на аукционе в Москве и купленная за 15 тысяч долларов предпринимателем, пожелавшим, что называется, «постучать по мэрскому голенищу».

В начале мэрской карьеры Ю. Лужкова многие втихаря

посмеивались над его привычкой носить эту самую кепку, а в конце ее редкий высокопоставленный чиновник из приближенных не напяливал на голову какой-нибудь дорогуший суррогат а-ля Лужков. Люди меняются. Собаки, как известно, бывают похожи на своих хозяев, а подчиненные – на своих начальников... Вот и в новейшее постлужковское время врио мэра В. Ресин традиционный субботний объезд объектов совершал в традиционной же кепке.

Удивительные все-таки люди заместители начальников! Хоть первые замы, хоть последние, хоть больших начальников, хоть маленьких. Оказавшись по воле случая, по приказу вышестоящего чиновника, по мановению волшебной палочки или самого Творца заместители кардинально изменяются. И внешне, и внутренне, и на людях, и наедине с самими собой. Не говоря уже о подчиненных, членах семьи и друзьях.

Но, возможно, впечатление это и обманчиво. Ведь абсолютное большинство замов считают свою миссию вторых лиц не отвечающей их знаниям, способностям и таланту руководителей. Но они вынуждены скрывать это за завесой почитания первого руководителя до поры до времени. Хотя процентов девяносто из них не догадываются, сколь велика дистанция от первого лица до второго. Как у военных от полковника до генерала. Не знаю, как сегодня, а в Красной, а позже в Советской армии по выходе на пенсию генералам полагались такие преференции, которые полковникам и не снились. Дачные участки в ближнем Подмосковье по гек-

тару, пенсии женам после смерти, автомобили и прочие атрибуты принадлежности к высшей касте. Помню, ко мне в отдел научно-технической информации, который я возглавлял, пришла наниматься на работу женщина лет сорока пяти, может, чуть старше. Рассказала: двое детей, муж военный, умер, не успев перешагнуть черту между полковничьим и генеральским званиями, хотя все документы были отправлены куда следует и вовремя. А пока бумаги ходили, человек умер.

– А что вы умеете делать? – спрашиваю.

– Я? Ничего... – с некоторой растерянностью и смущением от понимания своей неработоспособности ответила она. И продолжала:

– Муж меня и детей обеспечивал, жили мы в достатке. А теперь... – она в отчаянии не то чтобы махнула, а как-то неуверенно повела рукой.

Видно было, что ей и общаться-то нелегко, что относится она не к типу шустрых и знающих себе цену офицерских жен, а к тем домоседкам и домохозяйкам, за которых все и всегда решает мужчина.

– Ну хотя бы полы мыть умеете?

Она с готовностью закивала головой, и я уговорил кадровика взять ее уборщицей.

В моем отделе такой вакансии не было – он зачислил ее через хозяйственную службу.

Разница между первым и последующими креслами прин-

ципиальная. Именно начальник распоряжается финансами, принимает решения и отвечает за них. И этому умению ни один вуз обучить не может. Либо у человека в характере есть способность решать и отвечать, либо ее нет.

Только ленивый не топчет нынче на словах гигантски расплодившегося спрута российской бюрократии, но никто не решается – не может или не хочет – обрубить ему присосавшиеся к телу народа щупальца. Замечу: не к телу государства, поскольку государство и народ не суть одно и то же, и долгие годы прессующий нас когда-то слоган «государство – это мы» – большая натяжка и большой обман.

На мой взгляд... написал эти слова и задумался: не много ли на себя беру? Может, следует вместо местоимения личного употребить обезличенное притяжательное и написать: «на наш взгляд»? Вроде как дистанцироваться несколько от слишком явного выражения собственных взглядов и собственного мнения.

Зачем? В этом произведении мне не нужен лирический герой, как у некоторых сошедших со сцены политиков (хотя в телепередачах их и представляют как политиков), мне не нужны иносказательность и завуалированность, поскольку книга эта написана не по горячим следам недавних событий и перемен в коридорах московской власти. Она родилась более 8 лет назад, но опубликовать ее не было никакой возможности, о чем, конечно, расскажу, но чуть позже.

Я счастливый автор. Мне ничего не надо придумывать или

выдумывать, не надо себя разрисовывать розовыми, а всех прочих черными или, на худой конец, коричневыми красками. За те 20 лет, что проработал в столичной печати, и за 15 лет дружбы с Ю. Лужковым я накопил достаточно знаний и опыта, достаточно видел и слышал, чтобы иметь собственное мнение о процессах и явлениях, совершающихся в моем любимом городе, и мне ничуть не стыдно и не боязно за то, что я его имею. Тем более что я не замарался властью. И, по моему мнению, гидра бюрократии разрослась по двум причинам. Во-первых, из желания больших чиновников «порадеть родному человечку». Кто может сегодня сказать, сколько при министерствах и департаментах родилось всяких фондов, центров, институтов, агентств, контор с самыми замысловатыми названиями и с еще более замысловатыми и никому не понятными функциями. А печатных СМИ?

Задачи, функции и цели непонятны, а денежки идут. А. Кудрин, «лучший министр финансов всех времен» объявил: за три года сократим аппарат управления на 20 процентов. Как будто мы не знаем или кто-то не знает, что сначала сократят вакансии, потом уборщиц, потом ночных сторожей и на этом все закончится. А уж если дело дойдет до секвестра какой-либо лишней в звене управления конторы, то вместо нее тут же на теле гидры вырастут две новые. А то и три.

Во-вторых, рост чиновного серого люда обусловлен все той же боязнью принимать решения. Чем больше звеньев,

тем дольше процесс исполнения, тем увереннее чувствует себя самый большой начальник. На любой бумаге он может начертать в углу резолюцию: «Иванову (Петрову, Сидорову и пр.). Прошу ваши предложения. Срок ...» И подпись.

И пусть Иванов-Петров-Сидоров парятся. Но они ведь и не подумают. Они пустят бумагу вниз по струне и дойдет она, как миленькая, до самого жалкого клерка, которого и знать-то в лицо вышестоящий начальник не знает, да и не хочет.

В качестве примера привожу подлинник поручения Ю. Лужкова своим «низам» по поводу события, которое, как установило позже следствие, не имело места быть. И это только одна страница из четырех!

А вы говорите сократить...

Приходилось читать, что Ресин-де устал носить чужую кепку и чужой портфель и давно готов был подвинуть своего неумного и не сдающегося шефа. И, судя по довольно резким выпадам в адрес прежних решений Ю. Лужкова в первые же не то чтобы дни, а даже и минуты, своего звездного часа, можно бы было с таким мнением согласиться. Отмена принятых Ю. Лужковым решений по застройке Боровицкого холма, освоению подземного пространства под Пушкинской площадью, встреча с общественниками – защитниками старой Москвы, наконец, вызывающе дерзкое вступление в «Единую Россию» давало также основания аналитикам предположить, что главный застройщик Москвы не прочь стать ее главным начальником.

Однако мало кто знает, что товарищ Ресин и сам по себе на московской иерархии власти фигура весьма значительная. Непросто значительная, а в некоторых вопросах еще более влиятельная, чем сам мэр. Кто внимателен, тот должен был заметить, что В. Ресин очень редко сопровождал мэра в его субботних объезд-шоу объектов. По этой части у него была всегда своя программа и собственный план объездов, которые, правда, не сопровождались таким количеством фотовспышек и телекамер, как шоу мэра. Здесь заместитель выглядит гораздо рациональнее своего начальника.

Об их взаимоотношениях В. Ресин рассказал однажды в интервью газете «Тверская,13», которое называлось «Лужков сегодня – больше, чем москвич»:

– Юрий Михайлович не только может генерировать идеи, не только может спрашивать, но, когда надо, может засучить рукава и активно внедрять собственные идеи. Я говорю это не из желания похвалить или из подхалимажа. Согласитесь, я уже вышел из того возраста, когда это было нужно, да и мое общественное положение не то...

– Между тем, – говорит корреспондент, – у вас вроде были какие-то трения с Лужковым...

– У нас никогда не было трений. Он с меня требовал и требует, а я исполнял и исполняю. Я вхожу к нему в кабинет со своим мнением, а выхожу – с его.

– А это не стыдно? И вы не чувствуете какого-либо ущемления самолюбия от этого?

– Нет. Наоборот, чувствую доверие к себе, которое я обязан оправдать. Я член команды и всегда буду выполнять то, к чему призывают.

– Вам будет жаль, если, допустим, он выдвинется в президенты и его изберут?

– Что значит жаль? Мне будет хорошо, когда ему будет хорошо. Но сегодня (интервью за 1,5 года до президентских выборов 1999 г. – *М.П.*), как он сам говорит, перед ним такой задачи не стоит. Хотя, на мой взгляд, он больше, чем москвич. И если его изберут президентом – Москва только потеряет. Пока я замены ему в Москве не вижу.

– А вы не боитесь, что Юрий Михайлович зазнается – ведь все мы люди, а не боги?..

– Нет, не боюсь. Он не из той категории людей, которые зазнаются. От признания заслуг он только больше будет требовать и спрашивать. В том числе и с себя, – подчеркнул Владимир Иосифович.

Отмечу его слова о том, что у него не то общественное положение, чтобы, как говорится, прогибаться и вылизывать. Что верно, то верно. Не знаю, как праздновала Москва его 70-летие, а вот 60-летний юбилей довольно широко. Скромная делегация нашей газеты из двух человек подтянулась к офису в Газетном переулке только к вечеру и еще два часа мы стояли в очереди, дожидаясь доступа к телу. А если учесть, что процесс начался едва ли не с раннего утра, то можно себе представить, сколько на аудиенции побывало на-

роду.

Мы подарили ему сувенирную саблю с насечкой: «Сгоряча – не бей сплеча, // Ну а лучше ее все же // Не вытаскивай из ножен». Ерунда, конечно, эта сабля на фоне настоящего холодного оружия с Кавказа, сваленного у его ног. Но как говорится, чем богаты...

А вообще Ю. Лужков многим В. Ресину обязан. Мэр как строитель клал только печки на дачах у соседей да умел тесать бревна. Настоящих жестроек городских масштабов в глаза не видел – Ресин его тут здорово выручал все годы, что они были вместе. Он же ввел мэра в элитный масонский клуб миллионеров «Ротари», что Ю. Лужков категорически сначала отрицал, познакомил с Е. Батуриной.

Может, по мнению В. Ресина, начальник не вполне оценил его заслуг и отмена прежних решений прежнего мэра, кадровые судорожные перестановки – просто маленькая месть.

Или сам главный московский строитель увидел в действиях тандема Лужков – Батурина угрозу архитектуре и застройке Москвы, ему эта кампанейщина и откровенное территориальное хамство надоели, но до поры до времени приходилось терпеть. А кто из вас двуличный?

Или, что всего вероятнее, линию поведения В. Ресину на короткий промежуток времени руководства столицей подсказали «оттуда». Дескать, делай, как велено, и останешься при власти, при должности и при замке в Шотландии. И ведь остался!

Под кепкой Ю. Лужкова – серые глаза с небольшим разрезом, подтверждающим примесь азиатской крови, – его мать была родом из глухого башкирского села, она-то и наградила сына отличными от обычных русских чертами лица – скулами, овалом, глазами. Возможно, именно поэтому он питает особую привязанность к бывшему президенту Башкортостана Рахимову.

Когда в 1992 году вторая жена, Е. Батурина, родила Ю. Лужкову дочь, вся Москва знала, что он по вечерам уезжает с работы раньше, чем прежде, – торопится купать свою, как он говорил, Гюльчатай.

– А ты знаешь, у меня дочь родилась, на меня похожа, точная копия, – сказал он мне поздно вечером в день рождения дочери.

– Да это сейчас еще и рассмотреть-то невозможно, на кого она похожа...

– Нет, точно говорю. Лена ее называет Гуль... Гюль...

– Гюльчатай, – догадался я.

– Вот-вот, Гюльчатай.

– А вы знаете, что она у вас родилась уже в третий раз?

– Знаю, еще месяца три назад в Моссовете трепали: выкидыш, дескать. Я уж жене ничего не сказал. Думаю, в таком положении это для нее слишком серьезно, действительно выкинет. Ну а народ-то каков?

– Народ нормальный. Чем выше пост у человека, тем больше про него ходит сплетен, это естественно, и воспри-

нимать вам надо все как должное. Такова наша жизнь, а ваша планида.

– Надо было фотографию беременной супруги везде опубликовать.

– Конечно. Вон журналистка Альбац всю Москву завесила своими фото в таком положении. Не знаю только зачем... А познакомились вы с будущей женой...

– ...в период организации системы кооперативов и становления самого движения. Три сотрудницы моего скромного аппарата проделывали колоссальную работу, они не знали усталости и никогда не ныли, хотя я с ними был довольно строг – больше, признаюсь теперь, для того, чтобы не забывали, кто у них начальник, чем в целях воспитания и понукания к труду – их подгонять не требовалось.

Это они помогли мне так раскрутить систему, что ее потребовалось срочно останавливать, иначе коммунизму пришел бы конец гораздо раньше.

Мы часто засиживались допоздна, устраивали чаепития и чувствовали себя единым организмом, функционирующим надежно и устойчиво. Даже среди малочисленных коллективов не часто встречается такое искреннее стремление всех к единой цели, такое взаимопонимание и взаимная выручка, которые сложились у нас. Личное мое отношение ко всем трем сотрудницам было равным и, по существу, одинаковым – я ведь не первый год работал руководителем и давно научился держать дистанцию с подчиненными, впрочем они

это хорошо понимали. Знали и о том, что к тому времени я был уже вдов, воспитывал сына.

– Но у вас их двое...

– Старший уже был женат и не нуждался в такой постоянной заботе и опеке, как младший, которому едва исполнилось тогда тринадцать лет.

– Когда же вам его было воспитывать, если вы работали за полночь?

– А иногда и ночью, добавил бы я. Мне помогала моя мама, она заботилась о нем в мое отсутствие, как, впрочем, и обо мне, когда я появлялся дома. Сын же частенько поджидал меня на улице в довольно поздние часы, не водил компаний, чему я откровенно был рад.

– А как, интересно, развивался ваш с сотрудницей роман? И почему из троих, возможно неожиданно для самого себя, вы выбрали именно ее?

– Помните песню «Любовь нечаянно нагрянет...»? В моем тогдашнем возрасте трудно было предположить, что она нагрянет, хотя и существует классическое «любви все возрасты покорны»... Покорны – согласен, но чтобы нечаянно в возрасте за пятьдесят – вряд ли. Совместная работа и общий интерес связывают иногда людей гораздо прочнее других уз, и в этом процессе они начинают вдруг находить в коллеге такие черты, которые не встречались им прежде, и отмечать про себя: э, брат, да это похоже на то, что мне надо.

Я никогда не считал себя Аленом Делоном в смысле внеш-

них физических данных и сейчас не считаю, а потому никогда активно не волочился, как говаривали когда-то, за женщинами.

– Женщины ведь любят ушами, а когда вы заговорите – только слушать согласись. Ваши познания обширны, а логика мышления и умение убеждать поражают. Я уже не говорю об умении добиваться поставленной цели. Вы ставили перед собой цель завоевать женщину, которая вам через несколько лет совместной работы наконец-то понравилась?

– Нет, не ставил. Все произошло совершенно естественно для нас обоих, и наша совместная жизнь после брака стала продолжением совместной работы. Мы просто полюбили друг друга – и поженились. Могу утверждать это с чистой совестью.

– Ну сейчас мы договоримся до того, что все городские проблемы и государственные дела вы обсуждаете с женой и принимаете решения с учетом ее мнения. Как когда-то Горбачев на подобный вопрос ответил: мы с Раисой Максимовной советуемся. Хотя невооруженным глазом было видно, что пахло там отнюдь не одними советами, а едва ли не прямым вмешательством августейшей супруги в дела государственные.

– Не говорите мне про чету бывших генеральных секретарей и бывших президентов! И тем более не сравнивайте, мне это не нравится. Я считаю Горбачева прямым виновником развала экономики, ее нынешнего состояния. Это по его

вине – досоветовался – распался Союз и стремительно рассыпалось единое экономическое пространство. Нет, супруга не влияет на принятие мною решений, – уверенно подчеркнул Ю. Лужков.

Признаться, я несколько лукавил, когда говорил новоиспеченному отцу, что впервые слышу от него о рождении дочери. В тот вечер мы вернулись из поездки в область большим кагалом, я написал записку в номер и повез показывать.

По пути в приемную встретил несколько веселых мужичков-аппаратчиков – ничего не мог понять. И только в приемной все прояснилось: три часа назад жена мэра родила ему дочь. Теперь уже точно. На радостях он выкатил ящик коньяку. Где праздновали, я не понял, но телохранитель пришел тоже ничего себе и сказал, что вес малышки 3,5 килограмма, назвали в честь матери Леной, а сам уехал с В. Ресиным в роддом и, конечно, теперь не вернется – такое событие!

Я поотирался в приемной, потом телохранитель мне моргнул, и мы пошли в его каморку. Посидели, отметили это радостное для шефа событие, а в десятом часу помощник из приемной сообщил по рации: приехал, дескать, сам, собственной персоной.

Я спустился этажом ниже в надежде показать все-таки свое сочинение.

– Вячеслав! – спросил он по громкоговорящей связи помощника, – кто у меня в приемной?

– Воронин и журналист, – ответил Вячеслав Иванович и

пошел в кабинет, видно пригласили.

Вышел и сказал:

– Велел Воронину войти, а журналисту передать привет. Я не понял, что это означает...

– Это означает, что он меня послал, – перевел я.

– Может быть...

Тем не менее я не уходил – все бывает в этом мире, а в высших кабинетах – и подавно. Без каких-то минут одиннадцать ночи Ю. Лужков вывалился из кабинета – плащ нараспашку, сам какой-то вроде растерянный или даже обалдевший. И, несмотря на это, заметку прочитал и одобрил.

Кстати, первым, кто поздравил его сперва с рождением дочери, а потом уже с должностью мэра был, Э. Шеварднадзе, вторым – Г. Явлинский.

Глаза у него всепонимающие, много повидавшие. Иногда бывают усталыми, печальными, растроганными. Они становятся узкими и злыми, когда он возмущается, тогда говорит резко и отрывисто. Нечасто, но я его видел и таким.

Был, например, свидетелем его разговора по телефону с председателем тогдашнего Краснопресненского райсовета А. Красновым, на которого к Лужкову пришли жаловаться сразу несколько человек – делегация от района. Суть жалобы: председатель завел в районе какое-то специализированное летучее подразделение, придумал систему связи и наладил стукачество – народ, едва сбросивший, как ему тогда казалось, узы тоталитаризма, воспринял это как новое свиде-

тельство посягательства на едва-едва становящуюся на ноги демократию.

Во время беседы в кабинете раздался звонок – звонил Краснов. Когда Ю. Лужков спросил, как ему удалось узнать, что идет прием, тот похвалился налаженной системой своей разведки, которая и доложила. И предложил – ни больше ни меньше – присоединиться к ней.

– Редкостная сволочь все-таки этот председатель, – подытожил разговор Юрий Михайлович. – Создал собственную службу безопасности, платит из районного бюджета, держит всех в страхе. Представьте, что такое в наше время небольшое, мобильное, тренированное и вооруженное подразделение. Да оно может нагнать страху не только на один район, а на весь огромный город, – зло, со сведенными губами закончил премьер.

Видел и растроганным на вечере презентации книги «Мы дети твои, Москва» в кинотеатре «Россия». Все действие организовывал и возглавлял И. Кобзон, который, подружившись с мэром, использовал эту дружбу на полную катушку через механизмы протекционизма, наибольшего благоприствования своему, своих присных и своих друзей бизнесу.

Высказывалось мнение, что Ю. Лужкову не надо было идти на поводу у окружения и устраивать такое грандиозное шоу в зале «Россия», поскольку это могло вызвать раздражение у определенной части избирателей.

– Да раздражение может вызвать все, – заметил я, думаю,

не без оснований.

Представишь книгу широкой публике: скажут – пропаганда, не представишь: скажут – боится. А в результате оказалось, что автор сделал все правильно.

Народу в зале собралось столько, что проще назвать, кого там не было, чем перечислить тех, кто пришел. Достаточно сказать, что впереди меня в амфитеатре слева сидел Михаил Ульянов, далеко не последний, как вы понимаете, человек в Москве и стране, Лужков с женой и Черномырдин с супругой сидели рядом в первом ряду, министры, деятели культуры и искусства, помощник Президента страны, члены правительства города, руководители департаментов, литераторы – словом, именно в такой момент надо брать власть в Москве, если кому-то захочется это сделать.

Я, кстати, оказался единственным журналистом, которому удалось взять интервью у мэра по поводу презентации его книги. Не потому, что он меня знает, он всю Москву знает и она его, а потому, что везет, как говорят, сильнейшим.

Едва я прошел через пункт досмотра, как увидел Юрия Михайловича беседующим с кем-то из знакомых, точнее, окруженным довольно плотной толпой. Вокруг суетились охранники и люди из пресс-служб, но Лужков не такой человек, чтобы пройти мимо старинного приятеля или человека, с которым когда-то работал, а теперь вот встретил здесь, – единицы из тех, с кем он когда-то сотрудничал, могут попасть к нему на прием или встретиться еще где-то.

Я решил, что упустить свой шанс не имею права, и протиснулся к толпе, выжидая удобный момент. Мотали головами охранники и пресс-секретари: дескать, тебе-то что – обязательно сегодня? Но я не поддавался, поскольку журналистский азарт сродни любому другому. Именно поэтому убивают нашего брата везде на континентах, где есть горячие точки, а на место убитых тут же приезжают другие неугомонные – таковы законы профессии.

Обнявшись с двумя-тремя людьми на входе и перекинувшись с ними несколькими фразами, мэр двинулся по направлению к зрительному залу. Вот тут и я был начеку. Знаю, что он не любит таких наскоков и как-то отшил меня в бывшем Кремлевском дворце съездов, заявив, что говорить ничего не станет.

– Юрий Михайлович, – подлетел я тогда, – не хотите ли сказать пару слов москвичам?

– Нет, не хочу, – был ответ, и я умылся.

Но тут ситуация была другая. Я достал диктофон из чемодана – замечу, кстати, что с чемоданом этим, как курва с котелком, был я, по-моему, единственный на этом форуме.

– Юрий Михайлович, – сунул диктофон ему под нос, – что бы вы хотели сказать москвичам по поводу выхода своей книги?

И только это произнес, как понял, что на такой плевый с точки зрения интереса вопрос он отвечать не станет, – слишком рядовой и слишком приземленный. Я тут же переориен-

тировался:

– Нет, не так. Что бы вы хотели от своих читателей, от москвичей?

– От читателей?

– Да...

– От них я хотел бы только одного: чтобы они прочитали книгу, и, конечно, я просто мечтаю о том, чтобы она им понравилась. Но, может, это и не главное. Главное, чтобы она пробудила какие-то мысли о Москве, желание жить в этом городе и улучшать его. Есть у меня в запасе пожелание потенциальным авторам: если очень хочется писать, еще раз подумайте, стоит ли это делать, – предупредил он подобных мне и двинулся в зал.

Предупредить – предупредил, но сам от этой напасти не избавился. Напротив, после первой книги насочинял столько, что впору подумывать об издании собрания сочинений. Другой вопрос, сколько строк из этого собрания принадлежат его личному перу. При таком количестве жаждущих приобщиться, страждущих заручиться и желающих отличиться ему самому совершенно необязательно марать пальчики чернилами. Уж если в те годы, когда был менее занят, менее востребован и менее известен, писал пальчиками других людей, то ныне и подавно. Не может человек при его загрузке и при такой должности сочинить столько, сколько он насочинял в последние годы. Но это, как говорится, вопрос совести и чести. В конце концов, весь гламур тоже сочиняют

не сами гламурные личности, и может поэтому читать у них нечего и не о чем.

Потом был довольно приличный концерт всего с двумя-тремя слабенькими номерами, среди которых было и выступление ныне известной Анны Цой, поднявшейся впоследствии благодаря усилиям и влиянию своего мужа, пресс-секретаря Ю. Лужкова С. Цоя, и каналу TV-Центр, где Цой – председатель совета директоров.

Мэр Лужков разбогател благодаря жене, Анна Цой – благодаря мужу. Все повторяется в этом мире.

Было также сказано на этом вечере много хороших слов не только в адрес писателя Юрия Лужкова, но и по поводу его по-настоящему творческой деятельности во имя города и горожан. В конце вечера он вышел растроганный на сцену – думаю, таким его видели редко, если видели вообще, скорее всего он сам не ожидал, что дело его получит такой отклик среди дотошных, привередливых, образованных, умных и требовательных москвичей. Всегда в движении, всегда в работе, он мало слышал слов, которых заслуживал, а тут услышал столько! Поневоле растрогаешься, хоть и кажешься другим негнибачимым и железным. А Ю. Лужков – не железный. Он подвержен, как и все мы, эмоциям и чувствам – и в том его привлекательность для многих как личности, человека и большого начальника при огромной власти. Но и пороки у него сродни этой власти.

Не помню, плакал он или нет, когда хоронил свою мать, а

вот то, что он не стал хоронить ни на Новодевичьем, ни на Ваганьковском, ни даже в Кунцеве, характеризует его. Возможно, сегодня он поступил бы по-другому, поскольку сильно изменился и внешне, и, что самое главное, внутренне.

Как и все старые московские кладбища, Кузьминское, где он хоронил свою мать, представляет собой заросший и запущенный лесной массив. Я приехал туда, когда гроб с телом работницы службы «Ритуал» уже на руках – по другому протиснуться между деревьев и могил было просто невозможно – несли к свежерытой могиле. Кажется, была поздняя промозглая осень, низкие-низкие облака и дождик-сеянец. Народу было много, хотя не все присутствующие решались подойти к сыну умершей, чтобы выразить сочувствие. Я подошел, ничего не сказал, молча пожал руку повыше локтя – а что тут говорить?

Да, точно, было холодно. Жена В. Евтушенкова была в дорожной – а в какой еще ей быть – норковой шубе. Почему запомнилось – не знаю. Возможно, именно из-за этой шубы.

О матери Юрий Михайлович всегда отзывался тепло, с сыновней нежностью.

– Родом она из Башкирии, – рассказывал он, – где с давних пор вперемешку живут русские и башкиры. С восьми лет, после смерти своей матери и женитьбы отца на другой, пошла она в няньки, а потом перебралась в Москву. Закончила всего три класса, но была от природы толковой, умной, умело вела домашнее хозяйство и семью. Своих сыновей – а

нас было трое братьев-сорванцов, – Аркашку, меня и Серегу, она вырастила, воспитала и, главное, приучила к труду.

Была в молодости красивой, энергичной и, как говорится, заводной. Посмотришь на портрет и видишь: у этой молодой женщины нрав настоящего беса – в глазах искры горят, лицо доброжелательное и улыбчивое. И всегда готова ко всему – хоть к работе до изнеможения, хоть к веселью с песнями до утра. Лишь бы не сидеть без дела на завалинке.

Ю. Лужков регулярно бывает на могиле матери – я сам видел у него в «разблюдовке» такую запись.

Нос у него слегка, почти незаметно приплюснут, губы припухлые, хотя уже истончали, а в гневе вообще превращаются в ниточку, только очень жесткую, как леска.

Уши прижатые, как у породистой лошади, и это хорошо. Потому что будь они оттопыренными, то в сочетании с кепкой его круглое лицо напоминало бы трехлитровую кастрюлю. И так в Московской области жители его иначе как Луной не называют.

– А почему Луна? – заинтересованно спросил он.

– Не знаю. Может, потому что лицо у вас круглое...

– Крестьяне меня уважают. Знают, что я, как пехотинец, все их подмосковные поля на пузе перепахал...

Под кепкой – высокий за счет лысины лоб, переходящий в сплошную лысину. Как говаривал один мой знакомый, в драке волос не считают, а драться Ю. Лужкову приходилось немало, вот и облысел. Когда он слушает доклады подчинен-

ных, то характерным образом морщит лоб, чуть склоняет голову набок, следит за говорящим непрерывно, не отвлекаясь, впрочем, лишь в том случае, если ему интересно то, о чем докладывают. Если же нет – может перелистывать бумаги, перекидываться репликами с кем-либо за столом, не упуская при этом основной мысли докладчика.

Когда он работает с бумагами, голый череп склоняет также набок, коротко остриженными ногтями на ухоженных руках прижимает к столу документ, при этом на безымянном пальце правой руки поблескивает тонкое обручальное кольцо, на шее – золотая цепочка. То ли крестик на ней, то ли какое-то украшение.

По поводу ногтей на руках, кажется, у него просто бзик. Потому что еще в студенческие годы, как вспоминают его однокашники, он уделял ногтям особое внимание.

Росту в нем немногим более 160 сантиметров, но при мощном торсе, широкой кости, большом весе он кажется более высоким, хотя для великих рост – не главное. И Наполеон, и Суворов, и Пушкин, и Ленин, и Сталин, и Гитлер, и Хрущев были малышами. Один Ельцин столб, но – сами понимаете.

3. Церетели изобразил Ю. Лужкова по заимствованному сюжету у провинциальных скульпторов Демченко и Головачева с мячом и ракеткой просто монстром, а не человеком. И ни ракетка, ни футбольный мяч не сглаживают этого угнетающего впечатления. Могучий монстр-мыслитель с прони-

кающим во все и вся взглядом. Должно быть, скульптор всех времен и народов, каковым он представляется нашему мэру, хотел потрафить своему покровителю, а получилось даже хуже, чем всегда.

Замечу, кстати, что когда-то Ю. Лужков был почти равнодушен, во всяком случае, не однажды подчеркивал это, к тому, как выглядел на снимках, в каком виде публикуют его портреты в газетах. Теперь я понимаю, что он только старался казаться равнодушным, и делаю вывод: сущность его несколько иная, чем на экранах и полосах газет. Я был свидетелем разговора мэра с фотокорреспондентом «Московской правды», в котором речь шла о снимках к материалу о нем. Он махнул рукой на разложенные фотографии:

– Я никогда не выбираю для публикации свои портреты.

И это было правдой до того момента, пока в его карманный пресс-центр не приняли на работу придворного фотографа, обязанного запечатлеть для истории каждый шаг мэра, вести фотолетопись его великих дел, распространять его лик через газеты и журналы. Перед очередными выборами за каждый такой снимок руководитель пресс-центра С. Цой требует аж 250 долларов со страждущих, и это, вероятно, не предел.

Вслед за фотографом появились художники, стремящиеся запечатлеть – некоторые влекомые, как когда-то и я сам, искренним желанием, стремлением и восторгом перед свершениями мэра, но абсолютное большинство – исключительно

но из корыстных побуждений.

Даже такой ас, как всенародно известный скульптурными портретами вождя мирового пролетариата, кавалер и лауреат Н. Щербаков, не устоял под общим напором – изваял-таки «дорогого Юрия». Не знал только, как преподнести, чтоб запомнили, что именно он это сделал. Несколько раз звонил мне после того, как мы познакомились в мэрском санатории на Южном берегу Крыма.

– Михаил, – просил, – помоги, пожалуйста, вручить. У меня с мастерской проблемы, вдруг поможет?

– Николай, – говорю, – Андреич, у него этих игрушек – полная хата. В каких только видах не запечатлели – разве что на унитазах не сидит. И то, видно, только потому, что туалет персональный.

Позировать же Ю. Лужков не любит, времени, говорит, нету. Поэтому большинство портретов, что я видел, не отражают его сути. Не могу передать, что в них не так, – я слишком часто с ним встречался, начиная с того момента, когда он был на Москве еще никем, и слишком много провел с ним времени в разговорах, чтобы иметь более или менее полное представление о его внешнем и внутреннем мирах, хотя объективно могу признать, что до конца его так и не понял. Подсознательно чувствовал и неискренность, и властолюбие, и нетерпимость к возражениям, и самолюбование. Но все это настолько завуалировано, закамуфлировано, спрятано под личиной рубахи-парня и заботливого отца всех моск-

вичей, что я этих пороков не замечал – слишком был поражен умом, напором и энергией в достижении цели. А этого у него не отнимешь.

Большинство же его портретов слащавы, приторны и подхалимски вылизаны – такие а-ля Шилов. Может, художники знают о слабости Ю. Лужкова к своему протеже и, что называется, наступают на горло собственной песне, «косят» под обласканного. На фоне подобных изысков художников фотопортреты заметно выигрывают – в них больше жизни, экспрессии, искренности. Его нетрудно снимать даже непрофессионалу. Постоянно меняющееся выражение лица, активная жестикуляция при выступлениях с любых трибун, богатая мимика дают снимающим массу шансов сделать хороший портрет.

В его книге «Мы дети твои, Москва», написанной, как известно, Л. Невлером, опубликован, на мой взгляд, не совсем удачный портрет «автора». Его попытались изобразить таким Победоносцем, гордо поднявшим голову и впередсмотрящим. Но едва пробивающееся сквозь победительность, едва просматривающееся выражение самодовольства на его лице мешает воспринять его таким, каким захотели его показать.

Есть портрет, где он поправляет галстук-бабочку с пренебрежительным выражением на лице. Это выражение опять же крайнего самодовольства, одобренное чем-то кошачьим – может, это и есть он настоящий?

Во многих изданиях публикуют его парадный портрет, рисованный художником Ржевским с фотографии. Он нравится мэру больше других, может, из-за хитроватого выражения лица в фас, соответствующего непростому типу деятеля, от которого ни подчиненным, ни обывателям не спрятаться и не скрыться.

– Это не он, – сказал я А. Полибину, начальнику информационного отдела мэрии, когда увидел портрет над дверью его кабинета. И опять же не знаю почему. То ли действительно Ю. Лужков так умело маскируется, то ли художник не проник в его суть – трудно это сделать, рисуя с фотографии.

– Как это? – возмутился Анатолий. – Он сам выбрал портрет, одобрил, дал команду, чтобы публиковали везде.

– Команду? Он же клянется, что ему такие нюансы неинтересны, – сказал я и подумал о том, насколько был прав, сомневаясь в искренности рассуждений о пофигизме мэра в отношении собственного лика. А вслух добавил:

– А я тебе говорю – не он! Заметь, какая в выражении лица несвойственная ему хитрость. Возможно, он сам себе кажется именно таким, возможно, хочет или хотелось быть именно таким, но он – другой. На этом портрете нет внутреннего мира, нет объема, нет жизни, если хочешь. Не знаю, на каком уровне, но я это вижу, я это чувствую.

– Ну, ты даешь! – развел руками Анатолий. – Мэру нравится, а тебе нет...

– Вот такое я говно, Толя. Извини.

Рисованные по памяти портреты – будь то Лужков или кто-либо другой, непринципиально – больше всего походят на книги больших начальников, которые они диктуют лито-работчикам, литдоводчикам, литагентам и прочим людям от литературы или при литературе. Вроде бы все в тексте правильно, вроде и атмосфера передана, и время отражено, и личность «автора» просматривается, но при внимательном и даже при беглом чтении понимаешь: нет, автор не он. Не может литоработчик превратиться в личность, текст которой «обрабатывает». При всем старании, уме, образовании и образованности – не может. Ну, не может – и все тут.

Самый большой поток изваяний «подогнали» к юбилею Ю. Лужкова скульпторы. Статуэтки из мрамора и бронзы, бюсты и портреты разных размеров и модификаций завалили всю его подсобку – самую отличительную особенность зрелого мэрского периода. Поскольку помню ту подсобку абсолютно голой. И мне кажется, она заслуживает нескольких строчек повествования. Это такая боковушка, но не в традиционном отрицательном ее толковании, а своеобразный «аппендикс» коридора, связывающего кабинет и зал заседаний в единое целое. В этом «аппендиксе» стоит (во всяком случае стоял, когда я там бывал) низенький и маленький журнальный столик с электросамоваром посередине, тремя креслами, которые еле-еле устанавливаются вокруг столика. Напротив – диван, слева от входа – холодильник. В глубине коридора – туалет. Хозяин садится обычно в кресло так, что-

бы видеть собеседников, при разговоре закидывает правую ногу на валик кресла и говорит: то зло, то убежденно, а то и смачно матерясь.

– Никак не могу отучиться, – сказал как-то. – Хотя, признаюсь, никогда и не пытался.

Чай наливает обычно сам, предлагает печенье, конфеты, бутерброды, баранки, изредка – варенье. Заварка обычно в пакетиках, чаще других – «Липтон».

С течением времени эта с голыми стенами боковушка оказалась целиком заваленной всякой всячиной, которую ему таскали на дни рождения, на юбилеи и просто так.

– Всякого говна нанесли, – заметил он как-то после очередных подношений.

Потом чиновный люд узнал, что ему нравится больше всего, и принялись таскать всякого рода оружие, говорят – за что купил, за то и продаю, – что в один прекрасный день ему даже пулемет «подогнали». И если правда, то как он, законопослушный, по его собственному утверждению, зарегистрировал этого монстряру?

Что же до изображений лика, то усилия подчиненных не пропали даром, и Ю. Лужков стал относиться к ним с должным вниманием. Это тем более оправдано, что со временем его портреты стали появляться на стенах большинства учреждений городской власти и не иметь такового считалось до недавнего времени просто дурным тоном. Не знаю, советовал ли кто-нибудь из руководителей высшего городского

звена руководителям помельче или они сами быстро стали с усами, только факт остается фактом: портреты появились в больших количествах, качественно выполненные, в стильных современных рамках под стеклом.

В этом месте и на этом примере хочу порассуждать о бренности преходящих ценностей – денег, должностей, славы и прочей мишуры, что сопровождают человека на его жизненном пути. Прогнали с должности – и завтра в кабинетах тех же чиновников, что вылизывали и выстилали, будет висеть другой портрет, другого человека и нового начальника. Опять суета, опять заботы и затраты. Надо узнавать, какой лик нравится новому хозяину, где заказать, в какой раме, где повесить, – и прочее и прочее. А потом сидеть и дрожать: вдруг САМ приедет, посмотрит – и не понравится!

Уж если хочется украсить портретом, то повесьте лик выдающегося какого-либо деятеля в своей отрасли – не знаю, Мечникова там, Пирогова, Сухомлинского, Джунковского, Алексеева – да мало ли родила российская земля достойных людей. В том числе родившихся и трудившихся в славном стольном граде Москве. Тогда не надо будет менять, дрожать, в глаза заглядывать – свободу почувствуете, господа.

Недооценка Ю. Лужковым своих внешних данных не помешала сделать выгодную партию и жениться на дочери большого нефтяного начальника, удачно распределиться по окончании Института нефти и газа имени Губкина.

Вот что пишет об этом эпизоде в его биографии один из

журналов: «В одной группе с Лужковым училась невзрачная, но всегда очень хорошо одетая девочка Марина Башилова. Поговаривали, что ее папа – большая шишка в нефтяном министерстве. На пятом курсе Ю. Лужков женился на Марине Башиловой и переехал в «министерскую» квартиру в проезде Серова. Естественно, что после заключения такого брака Юре уже не грозило распределение куда-нибудь на Новый Уренгой или Нефтеюганск. Вместе с женой его распределили в 1958 году в НИИпластмасс Министерства химической промышленности СССР, головную организацию НИИпластмассы».

Один-единственный раз я беседовал с женщиной, которая училась вместе с Мариной Башиловой. В то время я трудился соредактором замечательной совершенно газеты под названием «Хобби», в которой Ю. Лужков публиковал под рубрикой «Рукодел» советы по кладке печей в садовых домиках. Женщина просила рассказать и о своем хобби – она могла с помощью медного кольца, закрученного на конце медных проволок, определить место в помещении, наиболее благоприятное для размещения кровати, дивана, другой мебели. Через это место не должны были проходить магнитные поля, а в комнате М. Башиловой, по словам моей гостьи, кровать стояла как раз поперек мощного магнитного поля. Кровать, естественно, переставили, но было уже поздно, спасти женщину не удалось.

– А с Юрием Михайловичем, – спрашиваю, – общаетесь?

– Пока он не взлетел на такую высоту, общалась. А теперь как-то неудобно. Думаю, позвоню, а вдруг он сильно занят...

Ситуация мне знакомая. Можно с детства дружить с человеком, но проходит какой-то период времени – и прежний друг, приятель, сообщник, единомышленник, поделщик, товарищ, наперсник, поверенный, собеседник, собутыльник, коллега, одноклассник, одноклассник или одноклассник становятся так далеки и так трудно воспринимаемы, что приходится жертвовать отношениями с ними во имя высшей цели. Которая, естественно, у каждого индивидуума своя – у одного это личное обогащение, у другого – жажда странствий, у третьего – звон наград, у четвертого... впрочем, разве можно перечислить все людские пороки и добродетели? У Ю. Лужкова, по его словам, одна страсть – работа. И это не показное стремление отличиться, это внутренняя потребность деятельности, стремление реализовать открывшиеся возможности и доказать самому себе и окружающим простую, как мычание, формулу: не только хочу, но и могу!

Прибор из медной проволоки посетительница оставила мне на память, я пробовал определять магнитные поля у себя в квартире – показывает на самом деле.

А вообще-то НИИпластмасс сослужил Ю. Лужкову отличную службу. На его благодатной почве родилось движение «прибамбасы из пластмассы» и выросла миллиардерша Е. Батурина, вторая жена Ю. Лужкова, которой он, как утверждает, ну совершенно не помогает в бизнесе.

Для полноты описания внешности замечу, что одевается он в зависимости от обстоятельств. Может носить смокинг с бабочкой, дорогие костюмы с галстуком, а может – тренировочные штаны с кроссовками, фирменные футболку, куртку и бейсболку.

Как-то приехал в здание мэрии на Тверской, 13, в выходной день, Ю. Лужков сидел за столом и разбирал бумаги. Одет был по-спортивному: кроссовки «Адидас», джинсы (фирму не разглядел), хлопчатобумажная клетчатая рубашка, так называемая ковбойка, и серый свитер. Если бы мне в оные времена кто-то сказал, что председатель Мосгорисполкома – я сам проработал в этом доме целых шесть лет – будет восседать в своем кресле в таком непотребном для своего поста виде, я бы просто плюнул тому в физиономию за такие кощунственные слова. Но, оказывается, и нормальные люди могут управлять нами.

Или его вид во время крестного хода в день закладки памятной капсулы в основание храма Христа Спасителя. На 7 января была назначена торжественная служба в Успенском соборе, крестный ход до места закладки капсулы с посланием потомкам. Патриарх Алексей II шел об руку с Ю. Лужковым, и на экране телевизора мэр смотрелся довольно любопытно. Жаль, что нельзя применить слово «комично», потому что не тот случай. Крупный Алексей, увеличенный в росте за счет рясы и головного специфического убора, был величествен, а вот сам по себе не мелкий Ю. Лужков выгля-

дел бледновато.

На фоне сплошной белизны церковных одежд, выплывающих из ворот Спасской башни, он, в своем черном пальто и неизменной приплюснутой кожаной кепочке, казался совершенно инородным телом. Хотя посвященные знают, сколько он сделал для того, чтобы этот торжественный момент наступил.

Зато при закладке капсулы и установлении сверху на цементном растворе памятной доски – точной копии той, что была заложена когда-то, – равных ему не было. Мастерок в его руке держался свободно, а раствор он разравнивал – и это хорошо было видно – с удовольствием.

И последний мазок на портрете его внешности. Несколько лет назад он похудел по собственной воле и усилиям на целых десять килограммов. Утверждает, что это позволяет легче передвигаться, заниматься спортом. Поддерживает форму и не набирает вес за счет ограничений в питании – отказался от каш, хлеба и других калорийных продуктов.

Хотя, по его признанию, поесть любит, обожает пшеничную кашу с молоком. Кстати, руководителям тех предприятий, которые он объезжал в рамках своего субботнего шоу, либо намекали, либо говорили в лоб в зависимости от степени доверия, что желательно накрыть достойный стол. И они накрывали – да какие столы!

Ничто человеческое Ю. Лужкову не чуждо.

Характер

Я не ангел, и крылышки у меня если и появятся, то наверняка не скоро. И жесткость, и конфликтность в характере присутствуют. Однако конфликтную я исключительно в интересах дела, которому служу и которое по мере сил стараюсь делать добросовестно. Ни перед кем не собираюсь рядиться в овечью шкуру, поскольку не тот у меня характер от рождения, а что дано, то дано. Я не думаю о том, как выгляжу в тот или иной момент на работе, не забочусь о последствиях того или иного шага, если вижу препятствия на пути к цели. Для меня всегда важен ре-зуль-тат!
М. Полятыкин. «Тореро в кресле мэра, или Юрий Лужков: хронология успеха». М., 1996, с. 26

Все, что он сказал о себе, справедливо, если учесть, что характер у него действительно неординарный. Он может быть терпеливым и сдержанным довольно долго, потом неожиданно взорваться и так же долго отходить. На моем личном примере – вообще не отошел. Но об этом чуть позже.

Прежде чем рассказать, каким мне видится его характер, приведу мнение двух авторитетных людей. Вот что пишет известный физиономист и автор многих книг по анализу личности Б. Хигер:

«Ю. Лужков – ярый борец за нововведения, смелый, прямолинейный. Не следует ничьим советам, однако выслуши-

вает мнение каждого, решения принимает самостоятельно. Верит только в свои силы, никому не передоверяет. Способен воспринять чужую идею и принять неординарное решение для ее осуществления. С подчиненными, которые не справляются со своими обязанностями, расстается без особых сожалений.

Обладает хорошей памятью и интуицией, способен спонтанно решать самые сложные проблемы, быстро и четко ориентируется в экстремальных ситуациях. Не любит делать доклады, но всегда к ним готов. Материалист, но верит в сны.

В нем полностью отсутствует амбициозность, если что-то не понял, не считает зазорным переспросить, вникнуть в суть проблемы с помощью сотрудников. Материальная сторона его мало интересует и меньше, чем всеобщее признание его заслуг, он достаточно тщеславен. Тактичен и напрасно никого не обидит. Не любит сидеть в своем кабинете, должен видеть, как выполняются его распоряжения, знать, не нужна ли его помощь. Не любит лести, не ждет похвалы. По натуре домосед, не любит уезжать из дома надолго, только в случае необходимости».

А вот мнение ученого-профессора МГАУ имени Горячкина Н. Тельнова:

«Сильные стороны Ю. Лужкова проявляются в волевом настрое, напоре, неукротимой жажде деятельности, спортивном тоне и решительности. Он человек действия и стремится во что бы то ни стало достигнуть поставленной цели.

В борьбе никогда не уступит инициативы. Если приходится выжидать – может временно и затаиться, но не упустит нужный момент для удара. Когда желаемого не удастся достигнуть прямо и быстро, ищет обходные пути и своего непременно добивается.

Тип психики Ю. Лужкова – самый трезвый реалист из всех психотипов, поскольку его сенсорное восприятие, соединенное с логическим анализом и при условии полноты информации, достаточно точно воспроизводит реальную картину мира.

Прекрасно понимая, как лучше организовать работу, и видя неспособность других действовать так же оптимально и результативно, как это может делать он сам, взваливает на себя кроме своих обязанностей также и дела окружающих людей. Даже если такая (подчас мелочная) опека станет кого-то раздражать, рядом с ним любой человек может чувствовать себя защищенным.

В любой области деятельности для него важна быстрая и осязаемая отдача. Результат он хочет видеть в материальном воплощении: завоеванный стратегический плацдарм, дача, квартира, машина...

Есть у Ю. Лужкова и слабые места. Когда надо уловить настроения, оттенки отношений людей друг к другу, он чувствует себя неуверенно. Ему легче проявить конкретную заботу о человеке, чем просто сочувствовать. Его постоянное деятельное напряжение, ответственность за множество сво-

их и чужих дел может привести его к нервному истощению и упадку сил. Однако он старается скрыть это свое состояние от окружающих и производит впечатление человека, закованного в броню. Много горечи ему приносит сознание того, что своей независимостью, решительностью, твердостью и волей он создает о себе впечатление как о человеке, которому теплое участие не нужно.

Вообще человек его типа старается как можно больше узнать о тех, с кем ему приходится работать, из надежных источников. Он предпочитает не гадать, а конкретно оценивать имеющуюся информацию логически, по самой своей сильной функции. Поэтому Ю. Лужков судит о человеке по поступкам, а не по душевным собственным его качествам. Неудивительно, что его суждения о людях бывают довольно-таки прямолинейны».

К высказываниям уважаемых коллег могу добавить следующее: все свои выводы и умозаключения они сделали на основании косвенных данных, ни разу не встретившись лично с предметом своих исследований, а посему вместе с известной долей правды в анализах много случайного, того, что лежит на поверхности и, по сути, известно не только ближайшему окружению, но и всем, кто хоть однажды слушал мэра Москвы, встречался с ним или беседовал.

Мое описание его характера основывается на многочисленных встречах, беседах и наблюдениях вблизи и со стороны, высказываниях людей, близко и давно его знающих, и

оно, естественно, никак не может быть уложено в скудные рамки рассуждений стороннего наблюдателя.

Чтобы понять характер Ю. Лужкова, введем его в систему, как любит делать это он сам при решении трудных задач, выдвигаемых временем или поставленных начальством. Составим простенькую таблицу из двух колонок – в одну впишем положительные, а в другую – отрицательные черты его характера. В алфавитном порядке, чтобы не создавалось впечатление, что чего-то больше, а чего-то меньше.

Положительные	Отрицательные
Внимательность, выносливость, доброта, дотошность, заботливость, любознательность, любопытство, неординарность, равнодушие, самодостаточность, самостоятельность, совесть, образованность, обязательность, ответственность, понятливость, трезвость, терпимость, ум, упрямство, удачливость, честолюбие	Азартность, боязливость, властолюбие, вождизм, внушаемость, грубость, гигантизм, доверчивость, завистливость, изворотливость, лицемерие, мстительность, мнительность, неукротимость, ненормативность, нетерпимость, самовлюбленность, порывистость, тщеславие, циничность, эгоизм
Итого: 22	Итого: 21

Как видите, положительных черт у него все-таки больше. Поздравляю!

Не стану под каждую черту характера подводить теоретическую, психологическую или иным образом сформулированную базу, как не стану под каждую из них искать документальное подтверждение. Не потому, что недостаточно документов и первоисточников – за 20 лет работы в городской

печати у меня их скопились горы, — а потому, что, во-первых, надеюсь написать еще более полный его портрет — эта неординарная личность того заслуживает, а во-вторых, потому, что каждый из тех людей, кто близко его знает и непосредственно общался, найдет подтверждение любой приведенной мною черты в зависимости от того, где, когда, при каких обстоятельствах встречался, какую занимал при этом должность и чего хотел добиться от встречи с мэром.

Стоило понаблюдать за встречами бывшего президента В. Путина с Ю. Лужковым, чтобы обратить внимание на поведение последнего. Насколько уверенно он вел себя на подобных встречах с Б. Ельциным, настолько хило выглядел на фоне нового лидера. Несмотря на все свои конфликтность и апломб, дескать, мы, москвичи, а я их мэр, наполняем вам три четверти бюджета страны, В. Путина он явно побаивался.

Держался скованно, неуверенно и нерешительно. Это отчетливо было видно по репликам и ответам с оттенком подбострастия, по стремлению угадать, какой ответ хочет услышать собеседник. Больно было смотреть, как признанный лидер Москвы, могущественный мэр, еще вчера внушающий своим политическим — и не только — противникам страх и уважение, мэр, позволяющий себе многое из того, что прочим губернаторам и не снилось при прежнем режиме, сидит пред ясными очами молодого президента и внимает, не роняя ни слова.

Не уголки, а все углы его губ – да где там углы – все его губы, плотно сжатые, будто боящиеся разомкнуться и брякнуть что-либо, опущены книзу с выражением крайнего напряжения. Или с выражением внутренней борьбы, свидетельствующей о внешнем признании того, что происходит вокруг, и внутренними противоречиями с новым порядком вещей.

Я смотрел тогда на его лицо и думал: если бы у него были усы, то в прежние годы, в те счастливые времена, когда он был на коне, когда мечтал о взятии Кремлевского холма, как советовал ему на одной из научно-практических конференций в здании мэрии на Новом Арбате его друг Ю. Афанасьев, они бы торчали у него, как у С. Буденного, и он пиками этих усов прокалывал бы встречных и поперечных – всех тех, кто мешал восшествию на заветный престол.

Теперь же они бы повисли, как у Тараса Бульбы на рисунке Кибрика, где Тарас изображен прикрученным к стволу, а под ногами у него разгорается пламя костра, разложенного проклятыми ляхами. И из последних сил, с невероятным отчаянием и надеждой крикнет Тарас:

– Слышишь меня, сынку?

– Слышу! – отзовется Остап и вынужден будет быстро-быстро ретироваться, чтобы не схватили и его подлые ляхи и не привязали бы рядом с отцом.

Чувствовал ли Ю. Лужков огонь под своими пятками? Знал ли, что пламя уже охватило весь его мощный торс и

осталось только крикнуть, как Тарас. Но кому? Как утверждал классик, иных уж нет, а те далече. Одних он сдал, других предал, третьи переметнулись, и он реально может рассчитывать только на себя и на ту силу, которая появилась у него за спиной не так чтобы недавно, но и не так, чтобы очень давно, каких-нибудь лет 7 – 10 назад. После того как разбогатела его жена и появления в ряду друзей и соратников В. Шанцева, богатых евреев, актерского и попсового бомонда из их числа.

Если вы не состоите при должностях, а трудитесь на стройке или танцуете с метлой в московском дворике, то можете рассчитывать при встрече на благосклонное, заботливое и внимательное отношение к себе со стороны градоначальника. Думаю, что у Лужкова оно искреннее, а не показушное, рассчитанное на публику, хотя за несколько последних лет он зауважал показуху больше, чем прежде.

Не знаю, насколько многочисленный сегодня в Москве рабочий класс, но наш бывший мэр в его глазах всегда пытался выглядеть радетелем, заботливым хозяином. При пуске, например, завода по производству минеральных вод «Московия» в Зеленограде он сказал:

– Все, что завершает упаковку и расфасовку, все это несовершенно. И выполнять их вручную, в рутинном режиме в течение восьми часов силами наших женщин – мужчина сразу сохнет при такой работе – вещь недопустимая, вещь неприемлемая...

Или вот его высказывание на совещании по реконструкции Гостиного двора:

– Завершить, закрыть надо мансардную часть и чтобы в холодное время года люди не мерзли на улице, выполняя отделочные работы, не трудились в скованных условиях, в теплой одежде...

Подобных примеров заботы мэра о рабочих можно привести великое множество, как, кстати, и о рядовых москвичах. Как утверждает сам Ю. Лужков, ему «в народ» ходить не надо, он, дескать, никогда из него не выходил. Возможно. Его просто вывели через черный ход окружающие его прихлебатели и искатели мест.

По-другому он разговаривает с руководителями различных рангов и положения в городских организациях. Чиновнику, который на стройплощадке Лужников пожаловался, что не получает зарплату в течение нескольких месяцев, он сказал:

– По цвету вашего лица не скажешь, что вы с марта месяца не получаете денег.

Или его замечание по поводу проекта противопожарной безопасности одного из объектов:

– Совершенно по-дикуму выставлены эти требования! Просто садист человек. Я думаю, не просто садист, а враг! Это не проектант сидел – враг, которому нужно было вколотить деньги...

Хороший перл выдал Ю. Лужков на планерке по строи-

тельству Новой Олимпийской деревни на улице Удальцова:
– Кофман! – крикнул он. – Хватит пить!

Не могу сказать, что пил Кофман, бывший в то время председателем Комитета по физкультуре и спорту г. Москвы, просто констатирую: грубость обращения мэра прямо пропорциональна занимаемой чиновником должности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.